

ОСТАЕТСЯ В НАШЕМ ВРЕМЕНИ

90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БЕИМБЕТА МАЙЛИНА

Талант,
рожденный народомПисатели о творчестве классика
казахской советской литературы Б. МАЙЛИНА

Г. МУСРЕПОВ:

«Реализм и профессионализм в нашей прозе в подлинном смысле этих слов более чем с кем-либо другим связаны с именем Майлина. Это он был нашим первым прозаиком-художником — и как непревзойденный рассказчик, и как мастер крупной формы в прозе. Все мы вышли и выросли из «Памятника Шуге», созданного 70 лет тому назад».

З. КЕДРИНА:

«Для Б. Майлина характерно то, что влияние русской литературы сочетается у него с глубоко и верно воспринятой традицией казахской народной поэзии. Это очень отчетливо сказывается в повестях, которые у него наиболее удачны... Освещенные светом горьковской человечности, прекрасно сочетающейся с народным гуманизмом, целостные и чистые характеры добрых, разумных и стойких женщин у Б. Майлина иной раз напоминают прекрасные и мудрые образы героинь народных преданий о верной любви...».

М. КАРАТАЕВ:

«Беймбет Майлин — талант, рожденный народом... Вклад его в казахскую прозу так велик, что она без него немыслима. Конечно, дело не только в большом количестве написанных им прозаических произведений, но и в их высоких идейно-художественных достоинствах...».

текущей действительности, способность точно ощущать самые тончайшие нити, связывающие отдельную личность с великой эпохой, отдельный жизненный эпизод с громадной всеохватной историей придают творчеству Б. Майлина особую целостность и масштабность. В этом и секрет глубокой историчности и неуязвимой актуальности его произведений. В этом и неподдельный, исторически обоснованный оптимизм.

Но такой оптимизм никоим образом не игнорирует драматизма бытия. Как известно, история всегда драматична, ибо ее содержание составляет не случайная цепь сменяющих друг друга разнохарактерных и разнозначных событий, а целенаправленное развитие, обеспечиваемое не всегда кровопролитной, но непременно напряженной сознательной борьбой. Майлин умеет достоверно передать истинное напряжение борьбы не при помощи изощренности в нагнетании сюжета, а путем точного воспроизведения накала страстей, проявлений характера и остроты мировосприятия героя, находящегося в непримиримой драматической ситуации, обусловленной социальной температурой самой эпохи, самого общества.

Блистательный творческий опыт Майлина убеждает, что активная жизненная позиция и высокая компетентность в реально существующей жизни — эти два критерия гражданской состоятельности художника взаимозависимы и взаимодополняемы. Кто не имеет активной жизненной позиции, тот не в полной мере компетентен и в вопросах реальной жизни. И наоборот, кто мало компетентен в реальных проблемах жизни, тот и не имеет активной жизненной позиции. Не только позитивные, но и отнюдь не радостные события, происходящие в разных уголках необъятной республики, нашли соответствующий отклик в отзывчивом сердце этого неунывающего летописца своего бурлящего классовыми страстями яростного времени. Не счесть его архипервратных и остропроблемных писательских выступлений.

Да, Беймбет Майлин — один из тех «столпов», без которых невозможно представить бурный расцвет нашей новой социалистической культуры. Он одинаково плодотворно и талантливо работал почти во всех жанрах литературы. В жизни и творчестве он был предельно щедр, предельно правдив, предельно бескорыстен. До последнего дыхания не сдвинул позиций борца-коммуниста, гражданина-патриота, художника-певца духовного и социального возвышения людей и народов.

И поныне с каждой строки его творений понимающее и участливо смотрит на нас этот мудрый, доброжелательный человек, искренне стараясь помочь нам разобраться в самих себе, в нашем непростом времени.

АБИШ КЕКИЛЬБАЕВ.

Айранбай

Б. МАЙЛИН

Рассказ

Ничает. Не околела бы без этого кусочка... — чавкая, чмокая и облизывая пальцы, углоливо говорили они.

С тех пор Раушан не переступала порога своих родственников. Уж как хотелось попить кумысу... Но она не ходила к Кемельбаю, как это делали другие. Недавно одна из подружек Раушан, придя из юрты Кемельбая, где угощались кумысом, принесла кучу сплетен:

— Как бы она не взбесилась, эта жена богача! Боюсь, чашка кумысу не пойдет мне впрок. Пока пила, уши мои чуть не лопнули, так она тараторила. И все о тебе... Ты, как шил, торчал в ее сердце... Ее послушать, так хуже тебя нет женщины во всей волости...

Раушан еще больше разболелась и тут же дала зарок: «Упаси меня бог хоть словом с ней когда-нибудь перекинуться. Умру в своей лачуге, а не пойду к ней, к проклятой...». Поэтому нелегко ей было подчиниться воле мужа и отправиться в дом Кемельбая.

Под всякими предлогами пробила Раушан увильнуть от неприятного поручения, но Айранбай и без того был не в духе...

Зато как она торжествовала, возвращаясь, какую волю дала своей мрачной злобе! Негодование душило и расправляло ее.

— Не дали, подались они этой кожей... — уже не раз сказала она.

Раушан подселла к очагу по середине юрты...

Не было смысла расспрашивать, почему Кемельбай отказал. Айранбай хорошо знает, как злопаметна богачка, теперь у нее глотка воды не допросишься, не то что маленького кусочка кожи. Оскорбит, ужалит, как змея, но не даст. А может, Раушан и не просила. Она ведь терпеть не может Кемельбая и его семью? Она ни за что не хотела идти, может, со злости даже превеличала, искажала то, что ответила ей раньше? Разве можно верить всему, что наговорит жена?

Если это так, думает Айранбай, то и другие не должны внимать наущничанью своих жен. Кемельбай — зажиточный человек, привык иметь дело с людьми, даже с купцами, когда-то знакомство. Разве не мог Кемельбай велеть байбаше дать кусочек кожи, если он так необходим Айранбаю? Что из того, что жены в ссоре? Пусть...

Тут ход рассуждений оборвался, и Айранбай почувствовал неприятный холодок, вспомнил, что и он не раз из-за своей жены был близок к тому, чтобы выложить все Кемельбаю наизусть. Но хитрый Кемельбай умел предупредить ссору. Бывало, явится Айранбай к Кемельбаю злой, обиженный, а тот засуетится, скажет сыну:

— Подойди к старшему брату. Пусть он благословит тебя, сынок. Принеси старшему брату кумысу, ну, проворнее... — и как рукой снимет обиду, Айранбай даже удивляется.

Но сейчас самые светлые воспоминания, самые радужные картины не могут успокоить Айранбая. Родич не дал ему даже маленького кусочка кожи. Кемельбай отказал!

И ведь не только из-за заплатки обижен Айранбай. Есть и другие поступки, которые он никак не может простить Кемельбаю. Ведь Кемельбай состоял в комиссии, осматривавшей погбишие от за-

сухи посевы, и вот, хотя у Айранбая на его единственной десятине не уродилось ни зернышка проса, на него наложили десять пудов. А между тем других людей, имевших по десятку и двенадцать десятин, освободили от налога совсем. Как же Кемельбай не защитил его, не вступился за него? Ведь Айранбай не раз плакался, что просо у него вышло.

— А где был сам Кемельбай? — осторожно спросил Айранбай.

— Где ему быть? Сидел дома.

— И он не приказал дать кожу?

— Он прикажет! Как же! — насмешливо, сквозь зубы пропела Раушан и уже серьезно начала рассказывать:

— Не только не приказал, а наоборот, твой родственник наговорил мне тысячу обидных слов, будто мы разорим его своими поборами, житья ему не даем, надоедаем. Ты вот не веришь мне, ругаешь, когда я говорю правду, а сам-то ничего не видишь у себя под носом. Я вот слышала — люди смеялись, что налог на тебя наложили дорогой родич. Он заявил, что ты сапожничает и тебе заработать десять пудов проса ничего не стоит. И за сапоги, что ты чинил, ты взял у него много мук... Вот какой ты подлец и обманщик... Айранбай, сколько лет подряд ты шил ему сапоги, ничего он тебе ни разу не заплатил, да к тому же еще говорит напираслину...

Айранбай видел, что жена не врет.

— Неблагодарный! — только и произнес он, да и то сквозь зубы, и снова принялся за работу.

Его крепкие пальцы остервенело хватили гвоздики, молоток и шило, а мысли так и роились. Что хорошего сделал ему Кемельбай или другие, такие, как Кемельбай, богачи, за всю его тяжелую горькую жизнь? Ничего! Что может вспомнить Айранбай? Обиды и лишения, сплошной мрак без единого просвета. Трудился, трудился безвозмездно на Кемельбая и на других богачей, тянул и тянет все ту же лямку. Даже обрезков кожи не накопил.

Неделю назад в аул приехал инструктор. Такой молодой, совсем еще мальчик, а как красиво он говорил:

— Богачи эксплуатируют чужой труд. Бедняки пасли их стада, косили для них сено. Не будь бедняков — богачи не смогли бы нажить столько добра. Теперь вам, бедняки, пора проснуться от векового сна и стать хозяевами своих собственных рук.

Айранбаю скоро сорок лет. Если не считать тех лет, что он был ребенком, то как давно он работает! А где плоды его трудов? Семья раздета, разута, голодает. А Кемельбай, хоть никогда палец о палец не ударил, весел и сыт, у него всякого добра вдоволь...

Пожалуй, инструктор был прав.

И Айранбай посмотрел по сторонам — все как-будто было по-прежнему — те же стены, та же сердитая Раушан, сидящая у огня, но мысли больше не угнетали Айранбая, не давили. Впервые за сорок лет его мрачное лицо просияло, на нем отразился свет каких-то новых внутренних сил.

— Жена, — вдруг позвал он таким необычным тоном, что Раушан встала и по-прежнему — те же стены, та же сердитая Раушан, сидящая у огня, но мысли больше не угнетали Айранбая, не давили. Впервые за сорок лет его мрачное лицо просияло, на нем отразился свет каких-то новых внутренних сил.

— Принеси, голубка, князю, разведи огонь пожарче, вскипятим чай. Отец проголодался.

Перевод с казахского М. ЮФИТ.

Печатается в сокращении.
Б. Майлин. Повести и рассказы. Казгосиздат. Алма-Ата, 1958.

Духовное
наследство

В истории каждого народа бывают личности, которые решают судьбу всего народа. Оставленное ими духовное наследие оказывает огромное влияние на формирование каждого нового поколения. Именно к этой категории людей относятся Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Беймбет Майлин — эти три первооткрывателя казахского литературного искусства, открывающих дорогу по воле истории перед народом, перед нашей культурой.

Учить свой многострадальный народ принципиально новому — классовую несправедливость, подлинной свободе и равноправию, подлинному самосознанию и самоуверенности, подлинной духовности и социальной раскрепощенности, подлинному интернационализму — эту неотложную задачу, эту нелегкую ношу взяла на свои еще не совсем окрепшие тогда плечи новая казахская советская литература, родоначальниками которой были Сейфуллин, Джансугуров, Майлин. Сегодня мы не можем представить без них нашу новую социалистическую культуру и нацию в целом.

Их родила сама эпоха, сама великая идея социалистического преобразования, которой они были беззаветно преданы. В то же время они безусловно разные. Их разная очевидная яркость и неповторимость личности каждого и творческая индивидуальность.

Самобытен творческий облик Беймбета Майлина, бесстрашие таланта которого сегодня чувствуется всенародно.

Сегодняшнему читателю и зрителю полвека тому назад написанные произведения этого писателя доставляют огромное удовольствие свежестью восприятия, острой проблемностью и актуальностью. Секрет этого — в первоначальной обстоятельной выверенности его произведений с нравственными поисками нового человека, освобождающегося от всякого рода гнета и притеснения, с особым рвением стремящегося к социальному и духовному совершенству.

Во всех — малых и больших, прозаических и драматических, беллетристических и публицистических — произведениях Б. Майлина основное идейно-эмоциональное средоточие составляет не что-то грустное или увлекательное поощрение, а конкретный поступок, который позволяет выявить характер человека, заглянуть в его душу. О ком бы ни писал: о руководителе нового типа, об аульной женщине, делающей первые шаги по стезе общественной деятельности, или о забитом ранее пастухе,

жалшы, — Б. Майлин снайперски точно попадает в личностное ядро характера своего героя. Постигать время через человека, человека через характер, характер через поступок — таков незыблемый принцип этого художника.

Рожденный на стыке двух веков, когда по всей планете, как никогда раньше, царил атмосфера неудовлетворенности настоящим, жажды нового, жажды справедливости, Беймбет Майлин, жадно тянувшийся к демократическим тенденциям русской и родной культуры, лично знавший светлые умы тогдашней степи Мухамеджана Сералина и Султанмахмута Торайгырова, не мог не откликнуться на социальный и духовный поиск своего времени. Активным неприятием всего устаревшего, косного, мешающего человеку обрести самого себя, подлинную свободу труда, мысли и поступков, веяло уже от его первой повести «Памятник Шуге» — неуязвимого шедевра казахской социально-психологической прозы.

Наблюдательный и горячо заинтересованный в социальном возмужании своего народа, Беймбет Майлин точно и тонко подметил все новое и позитивное в жизни послереволюционной степи. Как и все писатели-гуманисты, он искал путь к глобальной правде века через лапидарную правду простого, рядового человека. С особым пристрастием исследовал он процесс пробуждения в сознании вчерашнего кочевника неподдельного личностного начала, стремления к активному и социальному действию и самосозиданию. И столь локальные, на первый взгляд не имеющие меж собой фабульной связи, разрозненные, сугубо эпизодические картины тогдашней аульной действительности, жизни степных тружеников, только-только с огромным усилием освобождающихся от азов социальной ориентации и самореализации, позволили писателю с глубоким проникновением проследить необратимый процесс классового расхождения в казахском обществе, разложение являющегося в степи феодально-патриархального строя. Трагическая нота, присущая ранней новеллистике Майлина, сменяется постепенно жизнеутверждающим оптимистическим пафосом. Так и шагнул в произведения писателя прямо выхваченные из жизни герои, представляющие разные слои социального организма тогдашнего аула. Но среди них особо выделялся и стал широко популярным образ Мухымбая. Этот образ глубоко и всеохватно раскрывает духовно-социальную эволюцию казахской бедноты,

сложный путь от безропотной смиренности к активной классовой борьбе.

Не одного лишь Мухымбая, а сотни батраков и батрачек, вчера еще до немоты подавленных, бесправных людей, сегодня взявшихся за переделку жизни, можно встретить на страницах книг Майлина. И все же образы батрака Мухымбая и коммунистки Раушан из одноименной повести остаются вершинными.

Трудная женская доля привлекала внимание казахской литературы начала века. Но показав правду переходного этапа национальной истории, стремившись к свободе, всеопределяющую роль человека-труженика в общественном прогрессе через судьбу женщины, предстательницы наиболее угнетенной части степенного народа, — первым взялся за эту задачу и блестяще с ней справился Беймбет Майлин. Ничто, даже малейшая подробность эволюции сознания аульной женщины, ее личностного становления, приближения к историческому творчеству эпохи, каждый трепет чистой и отзывчивой души не останется в стороне от удивительно зорких всеулавливающих глаз художника.

Благодаря такому чистосердечному художественному свидетельству наша литература обогатилась грандиозной эпопеей, предельно полно и обстоятельно раскрывающей глубинные пласты сложной, порой мучительно противоречивой и драматичной действительности социальных метаморфоз, пережитых народом, сделавшим гигантский скачок от патриархально-общинного строя к социализму.

Я не оговорился. Да, Майлин не писал многотомные полотна. Да, в его творчестве более преобладают малые формы. Да, он больше написал рассказов, повестей, очерков, нежели романов. Но при всем этом именно им впервые воссозданы не разрозненные эпизоды, а целостная картина, поистине всеохватная панорама казахской действительности на стыке двух веков, двух общественных формаций. И это громадное, состоящее из многочисленных повестей и пьес, рассказов и очерков, фельетонов и басен, публицистических выступлений и драматических интермедий, поистине полиграфическое по охвату, полноточное по звучанию, монументальное историческое полотно убедительно доказало, что угнетенный народом только при социализме возможно обрести подлинную экономическую, культурную и социальную зрелость.

Именно пронизательность в художественном осмыслении «разношерстного» материала